

(тут же «забывая», что это предположение, и оперируя им далее как доказанным фактом), которое уместно было бы лишь в том случае, если бы он вообще не видел рукописи, не листал ее: «Листы эти (те, о которых говорится, что они подменены, — А. Т.), очевидно, переписаны в большой спешке».⁵ Вот так: «...очевидно ... в большой спешке!» Откуда же такие сомнения? Разве так трудно наглядно показать (хотя бы с помощью фотокопий, которые в других не столь ответственных случаях в книге воспроизведены) и доказать, что текст так называемых подмененных листов писался в «большой спешке»? Показывается же и доказывается это в отношении вновь открытого списка «Г»! Нет ничего проще доказать это и в отношении многих других листов рукописи, действительно подмененных или вновь включенных в нее после цензуры. В данном же случае невозможно доказать недоказуемое (почему автор и не дает соответствующих фотокопий). Очевидно — при внимательном изучении рукописи — другое: л. 186—188, их формат, цвет, степень загрязненности, цвет чернил, почерк, характер исправлений — буквально все в этой части рукописи (которую Г. Шторм считает подмененной) идентично, однородно с примыкающими к ней с обеих сторон листами, 185-м с одной стороны, 197-м — с другой (л. 189—196, как уже сказано, в рукописи утрачены). Но для гипотезы автора «Потаенного Радищева» мысль о подмене листов имеет решающее значение. В противном случае, если эту подмену не декларировать, придется считать вариантом оды, включавшимся в цензурную рукопись, именно тот, который сохранился в ней и поныне, т. е. в составе 28 избранных строф. В этом случае Г. Шторму придется отказать и от версии о позднейшем написании поэмы «Творение мира», ибо она вместе с 28 избранными строфами оды и прозаическими «окрестностями» свободно размещается на указанных 186—196) листах, целиком заполняя их. Не касаясь иной аргументации Г. Шторма в пользу позднейшего создания поэмы (она провергнута достаточно убедительно и литературоведами, и музыковедами),⁶ привожу расчет, показывающий, как именно эти листы могли быть заполнены.

Последний из сохранившихся листов главы «Тверь» — 188-й. На его обороте даны 24 стихотворные строки. На предшествующих же (186, 186bis, 187) изложено 140 строк, а всего, следовательно, на сохранившихся листах главы «Тверь» дано 164 строки. По плану «избранных» строф Радищев должен был дать 30 строк. Таким образом, остальные 116 строк (280—164—116) занимали, принимая расчеты самого Г. Шторма, л. 189, 189 об., 190, 190 об., 191. Далее следовало прозаическое послесловие к оде (около 600 знаков), которое требовало для размещения не менее

⁵ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 306.

⁶ См.: Рус. лит., 1966, № 1, с. 244—257; Штейнпресс Б. Радищев и йдн. — Сов. музыка, 1968, № 8, с. 131—137.